

ПРИНЦИП

НАДЕЖДА

НИКО ГОРН
КВАДРАТ ОДИНОЧЕСТВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ника Горн
Принцип – Надежда
Серия «Квадрат одиночества», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69003382

SelfPub; 2023

Аннотация

Филипп – практикующий психолог, который на фоне собственной влюбленности в свою же ученицу Чарли сам превращается в пациента. Казалось бы все просто, если бы не уставший божок, который весь этот ловкий анамнез для него организовал. Сократ с Одиссеем берут бедолагу дока под свое крыло, но это лишь усугубляет картину по больнице, где, как и во всех прочих мирах, единственным смыслом жизни остается любовь. О закономерностях и случайностях жизни читайте в новом романе Ники Горн «Принцип – Надежда».

Содержание

От автора	4
Глава 1. Почти	13
Глава 2. Кандидат	39
Глава 3. Жизнь удалась	69
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ника Горн

Принцип – Надежда

От автора

Ученые утверждают, что...

100% клеток задействованы в работе головного мозга. Разговоры о 10% или даже 5% эксплуатируемых клеток – миф. И появился он потому, что большая часть функций мозга на сегодняшний день до конца не изучена.

Я за все доступные для захвата места тащила себя из зыбучего собственноручного абьюза решительно и последовательно, что превращало раскадровку дня того периода моей жизни в принудительно насыщенную круговую диаграмму гармонии. Адепты марафонов личностного роста называют ее "Колесом баланса" – это такой круг, разбитый на несколько равных секций, каждая из которых представляет собой одну из сфер жизни: любовь, работу, здоровье, и каждую из них они оценивают по важности по десятибалльной шкале, закрашивая участок от центра колеса к краю. Мой системный мозг обожал такие псевдоизмерительные штуки. Они меня успокаивали, вопреки базовому отсутствию веры в их эффективность. Но, как говорил Кит (хороший парень,

ювелир по призванию и с недавних пор в самом позитивном смысле этого слова «просветленный»): «Вера без дел мертва. То есть, чтобы творить благие дела Ему (устремляя указательный палец вверх) нужны твои руки». Поэтому я наваяла роскошную цифровую диаграмму своей охреневшей от перекоса реальности, потом кликнула на черную заливку и форму квадрата, чтобы жизнь моя стала полной чашей имени Казимира.

Результат мне определено понравился, что позволило мне повесить свое творение прямо на рабочий стол, изобразить циничную гримасу и от души пожалеть бедолаг, которые всерьез полагали, что после выявления запущенной сферы жизни им просто нужно понять, что именно их в ней не устраивает, а следом создать план действий и поставить цели, чтобы привести дела в порядок. Всего ничего... Действительно! Просто составить план под названием «Как наполнить свою жизнь любовью, радостью и смыслом». К слову сказать, черный квадрат с тех пор так и висит на моем рабочем столе, а план, увы, не родился, но зато я поняла, что мои руки уже нашли для меня более кардинальный метод.

День мой начинался в 9:30. Отодрать меня от подушки раньше меня не могла заставить никакая известная мне решительность. Едва почувствовав, что муж ускользает из необъятных размеров кровати, я давала себе еще пару минут полусна, затем, часто не выходя из подсознательной картинки, с закрытыми глазами садилась на край кровати и опуска-

ла ноги на джутовый ковер. Холодящая шершавая опора под босыми ногами возвращала витающую в тонком мире меня в явь, и та, тыча мне в лоб указательным пальцем, говорила:

– Сказочный мир будет помнить за тебя все, даже если ты смеешь его отрицать.

Я морщилась, открывала глаза чуть охотнее, если за окном лучился жаркий август, чуть тяжелее, если доносился шум дождя или порывы ветра, и с титаническим усилием, когда лед сковывал горизонт, а свет появлялся лишь к полудню. Первый взгляд был, ясное дело, маниакально адресован мобильному устройству, вытесняющему с каждым днем тлеющие человеческие потребности в общении. Но это был только взгляд, и я-таки научилась его контролировать, чуть погодя, а пока я только привыкала блокировать порыв вцепляться в него первым делом по утру и убеждаться, что там меня никто не ждет. У меня все чаще начинало получаться погрузить себя под контрастный душ до того, как капризная дрянь начинала клянить взглянуть хоть одним глазком. Вода всегда меня спасала, смывала всю дурь и заглушала мою безвременную скорбь.

Завтракала я редко. Максимум выпивала крепкий, очень крепкий пол-литровый термос чая уже параллельно с открытым во весь экран, надменно амбициозным списком дел на сутки, основной целью которого было не позволить не затихающей капризной дряни взять верх и сдать. Со временем я даже осмеливалась заходить в сеть, листать мессенджеры,

оставлять открытыми аккаунты и не сталкерить при этом ее драгоценнейшее божество по имени Герман.

Бывало, правда, ей удавалось пользоваться моим ночным измененным внутренним контекстом, когда она забивала по памяти номер, видела статус его последнего появления в сети или зеленую точку удаленного присутствия. Пульс ее учащался, и она, порой, успевала набрать и даже отправить короткие позывные, но я всегда засекала этот несанкционированный переход черты и умудрялась удалять все до того, как хороший парень засечёт ее высокохудожественный бред.

В списке дел в тот бодрящий период моей жизни дважды в неделю числился доктор Филипп, которого мне отрекомендовал все тот же подающий надежды ювелирных дел мастер Кит. Психом доктор оказался редкостным, но при этом возымевший на меня столь нужный мне гипнотический эффект. Не знаю, как так вышло, но на первом же сеансе он, произнеся какую-то нехитрую комбинацию слов, сумел меня раздеть, точнее, добиться того, чтобы я разделась сама. В буквальном смысле этого слова. Я очнулась от холода, сидя в белоснежном изящном исподнем на гладком, жестком, кожаном сиденье кресла цвета жгучего виски. Ноги мои были сомкнуты в спирали так, что мысок левой стопы не покачивался игриво, а был зафиксирован за правой лодыжкой. Руки уверенно обхватывали массивные подлокотники, а тело правым плечом отчётливо вызывающе подавалось вперёд.

Нет, он, конечно, извинился потом и объяснил, что это

метод такой, что он проверял меня на совместимость и внушаемость, подбирал варианты протокола терапии, что будет меня в следующий раз предупреждать о степени и глубине проникновения в мое подсознание. Это было так неожиданно, так неопределенно, что мой блуждающий в поиске решения большого вопроса мозг тут же изогнул в ухмылке мою чувственность и включил режим «Будь, что будет».

Я, признаться, давно не страдала стеснением, но раскрыть мою давнюю забаву – вживаться в роль натурщицы и позировать художникам и скульпторам – в мои планы первоначально не входило. Доктор, в свою очередь, на планы пациента откровенно клал весь свой натруженный авторитет, и еще до первого сеанса предусмотрительно заполучил мою подпись под согласием на его исследование. Так что, все мои забавы оказались в рамках указанного в согласии периода в его безраздельной власти.

С того дня фокус моего внимания был резко смещен в сторону исцеления. Не знаю, был ли у нас секс (Как говорят публичные личности: «В сознательном состоянии я его точно не употребляла»), ведь доктор ни разу не декларировал ни свою тягу к близости, ни к тому, что я, в целом, представляла для него объект женственности. Сомнения закрались у меня разве что пару раз, когда влажное белье недвусмысленно подсказывало мне, что оно требует срочной замены.

Филипп был жутким занудой и этим устрашающе походил на Германа. Он любил использовать фрейдистскую терминологию.

логию и смотреть не моргая так, что хотелось рассказать ему все, даже то, чего я сама о себе не знала. Но, в отличие от Германа, он был напрочь лишен запаха. От него веяло паталогической стерильностью, которую доктор распространял на все, что его окружало, даже на улыбочивую ассистентку, Нинель, и подаваемый ею молочный улун.

В разгар пятого сеанса (кажется, было начало октября) в кабинет несвойственно настойчиво постучала Нинель и сообщила через закрытую, матовую стеклянную дверь, сквозь которую читался ее греческий профиль с высоким лохматым пучком, что его телефон, оставленный на стойке приемной на зарядке, разрывается уже пятнадцать минут, что звонит Чарли и просит его отреагировать в двадцати трех сообщениях.

– Нинель, это последнее предупреждение. Возвращайтесь к вашим прямым обязанностям и выключите мой телефон, вместо того, чтобы думать о том, что вас не касается.

Замечание было высказано с неизменным присутствием невозмутимости, а за ним снова последовала нехитрая комбинация слов, которую я, выходя из кабинета через пятнадцать минут, никак не могла вспомнить, равно как не могла я вспомнить и то, что случилось в конце того сеанса. Умом я, с одной стороны, понимала, что происходила какая-то нездоровая хрень, а с другой, эта хрень реально отвлекала меня от голоса капризной дряни, и я позволила себе лечь вверх лицом на несущий меня поток и наслаждаться плывущими

надо мной пушистыми облаками.

В тот вечер, правда, облака поспешно сдуло появлением в приемной милого рыжеволосого создания с заметными признаками зрелости вокруг глаз. Оно переступало в ажитации с ноги на ногу, раскачивая лиловую шерсть пальто в пол, и барабанило потертым френчем по стеклянной столешнице стойки, за которой роботоподобно сидела, уткнувшись в экран ноутбука, Нинель.

– Ну, наконец. Я теперь войду, с вашего позволения? – увидев меня на пороге кабинета, решительно произнесла дамочка с недовольным видом и, не дожидаясь ответа, постучалась в только что закрытую за мной дверь.

Доктор Филипп был в своем лучшем демоноидном образе и не считал нужным реагировать на какие-то там проявления внешнего мира. Девушка снова постучала и снова уткнулась в отсутствие реакции. Выждав пару минут, осаждающая кабинет, как я тогда подумала, неврастеничка, занесла кулачок в третий раз, но стукнуть не успела. Дверь распахнулась, и из нее вышел доктор и, делая вид, что он в единственном числе и роде существует на третьей планете Солнечной системы. Он аккуратно отодвинул кулачок, словно поправил свисающий лист комнатной пальмы, и, глядя мельком в залитое желтым фонарным светом окно, пластично двинулся к выходу.

– Филипп! – окликнула его на грани истерики посетительница. – Да, сколько можно?! – только и успела выкрикнуть

женщина перед глухим хлопком входной двери.

Нинель теперь отмерла и сочувственно посмотрела на нее.

– Не надо, Чарли, вы же знаете, что это бесполезно. – утешала натерпевшаяся от начальника ассистентка застывшую фигуру в лиловом пальто.

– Он принимал лекарства? – неожиданно спросила она.

– Я относила ему их час назад. Сейчас... – Нинель исчезла за дверью и вернулась с подносом, на котором стоял пустой стакан и нетронутые препараты.

Я все это время копалась с шарфом и блеском для губ перед зеркалом, поэтому вышли из кабинета доктора Осипова мы с Чарли практически одновременно. На улице совсем стемнело. Накрапывал мелкий дождь. А моя впечатлительная натура никак не могла позволить человеку с именем Чарли, которого к тому же отшили только что на моих глазах, ускользнуть из-под моего пера, поэтому я тут же предложила себя в качестве ее личного водителя на тот паршивый вечер. Сказала я это с присущим мне юмором и не малой долей женской солидарности, посему через пару минут мы уже мчались по вечерней московской акварели в направлении ближайшего приличного заведения.

Несмотря на пафосный стиль выбранного нами гастрономического буйства, мы с Чарли чувствовали себя попутчицами в скором ночном экспрессе. Две тревожные клуши, не знавшие друг друга ещё час назад, но подгоняемые наперегонки желанием обменяться схожим эмоциональным кон-

текстом, где все события, разумеется, были вымышлены, а совпадения случайны. Управившись с огромной порцией печёного баклажана со страчателлой, Чарли, допивая манговый шприц, начала свой клинический спич...

Глава 1. Почти

Ученые утверждают, что...

80 000 000 000 нейронов содержит мозг: это в 11 раз превышает число людей на Земле. Если соединить все нейроны мозга в одну нить, то она растянется на 162 000 километров и 4 раза обернется вокруг Земли.

– Принцип надежды... Слышали о таком? – оторвав взгляд от каменной поверхности стола и устремив его беспокойные волны в мою даль, спросила Чарли.

Я, как уважающий себя журналист, не горела желанием признавать собственное невежество, но предпочла по-детски пожать плечами, позволяя ей побыть в роли наставника и насладиться моей непосредственностью.

– Он заключается в том, что человек изначально рассматривается, как существо, наделённое способностями. Человеку свойственно меняться, в нем есть качества и воля для преодоления проблем самыми разными способами. Надежда – это способность видеть шанс, способность видеть будущее решение вопроса. Надежда, обнадёживать, надёжность, то, что удерживает возможность воплощения, вера в осуществление. Понимаете?

Пожатие плечами во второй раз сбило бы мою не особо устойчивую самооценку навзничь, поэтому я сделала вид,

что ее посыл достиг ожидаемых глубин и вот-вот начнёт образовывать новые синоптические связи.

– Надежда, – продолжала Чарли, – маленькая Дочка Бога по словам Шарля Пеги, неведомое упование на Бога, доверие Богу.

– Нууу, это другое дело, – как бы выражали складки над моими изогнутыми в сомнении бровями, поддержанные едва различимым киванием.

– Мне последнее время очень хочется верить и надеяться. Ведь все остальное я уже перепробовала. Представьте себе замкнутый круг длиной в жизнь. – сказала Чарли, смерив взглядом округность стола, за который нас усадил заботливый официант под завязку забитого зала со словами: «Придержал его специально для вас».

– Да, ладно? Мой любимый пространственный образ мыслей? Какая прелесть! – подумала я, приступая ко второй порции Розе.

– Не хилая такая дистанция, правда? – риторически предположила Чарли.

– Внушительная... – подтвердила я в ответ.

– Пробуждение, первый вдох и сразу следом мысленное: «Привет, как ты?», – или – «Как здорово, что ты есть!» или ... Разные, в общем, вариации зависимого бреда. Изо дня в день, из года в год. Следом за робкими школьными приветствиями, поднятием одной брови или едва заметным кивком, после студенческих, улыбочивых и аритмичных привет-

ствий. Те «как ты?» были то ежедневными, как и полагается в первые год-два влюбленности, то размеренно сошедшими на нет, то прерывистыми «как ты?» не то, чтобы бывших, но не случившихся. Чуть позже, раз в полгода – «привет, любимой студентке», «С Новым годом и днём рождения». У меня день рождения первого января. Мама до сих пор переживает, что лишила меня праздника. Ее поколение обожало праздники. Для нее это важно, в отличие от меня. Ненавижу праздновать.

Чарли уронила первую слезинку на стол, вторую поймала языком в уголке рта, взяла салфетку, промокнула обе полоски, сделала трясущийся выдох и продолжила:

– Затем снова и снова каждодневные мысленные «Привет, как?», мучительные годы взаимных воображаемых приветствий и прощаний: промозглых и солнечных, живительных и удушающих, – тысячи разноликих «Как же мне научиться жить без тебя?». Все более настойчивые «привет, о, снова ты, сколько можно?». Встречи, разговоры, ссоры, примирения, смех, трепет и все это по большей части в моем сугубо личном измерении.

Диалог с адресатом нескончаемых вопросов не редко прерывался внутренним карцером, старательно выскабливался из моего сознания, оставляя в нем лишь невидимые заражённые споры. Ухмыляясь в лицо своему же отражению, я отбрасывала его в дальний угол со словами:

– Что, Рита? Хочешь его? Хрен тебе. Посиди тут одна и

подумай хорошенько. А если будешь орать, я тебе кислород перекрою. Усекла?

– Рита? – переспросила я, теряя ход ее мысли.

– Да, Рита. Меня зовут Рита, а Чарли меня называет только Филипп, ну, и его знакомые, с которыми я случайно временами пересекаюсь. Я ему в самом начале нашей истории рассказала, что мне снится сумасшедшая жена мистера Рочестера. Вы же помните... – не успела договорить она.

– Обижаете, филфак за плечами, – улыбнулась я.

– Так вот, он назвал меня выдумщицей Чарли в честь автора, но на английский манер, чтобы лучше звучало рядом с его именем.

– Ого, – застыла я в недоумении, – Такие имена с потолка не падают. Какой щедрый ваш Филипп.

– Да не то слово, люди смотрели на меня, как на идиотку, когда он меня так представлял своим.

– Это его «свои» идиоты. Чарли – это мечта, а не имя. Хотя вам и Рита очень идет, но Чарли звучит огненно.

– Ну, да, ну, да, он тоже так думал.

– Слушайте, а можно на «ты»? Я обычно долго привыкаю к людям, но почему-то не в этот раз. И потом я чувствую, что это наш не последний разговор. – предложила я, предположив, что ей так будет проще.

– Э-э-э... У меня с этим сложности я, наверное не смогу, – засомневалась Рита, профессионально очерчивая границы своего личного пространства.

Я не уловила логику между ее откровенностью и нежеланием переходить на «ты», вернула разговор к замкнутой плоской кривой и через два месяца накатала по ней пару сотен страниц о Чарли, Филиппе и других составляющих уравнения 2лг, все события которых были, как уже упоминалось выше, выдуманы, а совпадения случайны.

Со слов Чарли их пожизненный разговор с Филиппом тянулся, как манящий аромат, по лестничному серпантину московской высотки. То есть запах у Филиппа все же присутствовал, но мое принимающее устройство было заточено исключительно под засевшего у меня в печенках Германа. Так вот не успела старательная Рита сдать первую и начать готовиться ко второй сессии, как уже была по самый катарсис влюблена в своего препода по психологии ощущения и восприятия – интроспективного, упоительного Филиппа.

Знакомство Филя и Риты случилось годом ранее, еще в школе. Молодой человек поступил на практику в экспериментальный биологический класс гимназии №1543 в феврале 1991 года. В то обычное утро, на второй перемене, выпускница Рита чуть замешкалась на ступенях в правом крыле, собирая содержимое соскользнувшего с плеча расстегнутого рюкзака. Едва запихнув все выпавшее как попало внутрь и защелкнув застежку, девушка внезапно спиной уловила зомбирующую голосовую вибрацию, вызвавшую мгновенное оцепенение. Витиеватая речь, доносившаяся с верхней лестничной площадки, удерживала девушку в тисках

несколько минут, и затихла лишь с призывом звонка к третьему уроку.

Рита, не оборачиваясь, поспешила высвободиться из плена, ловко преодолела пять ступеней и через сто шагов уже сидела за партой, готовая к знакомству с новым преподавом. Так как там, на лестнице, обернуться и поднять голову не было никакой возможности, вошедший аспирант не вызвал в ней особой реакции до первой вибрации, идентичной недавно парализовавшей ее.

– Ну, привет, мистер мажор! – мысленно произнесла ученица. – Хотя, на мажора совсем не похож. Тогда почему из МГУ? На другой вуз папочка, большой невыездной начальник, не накопил? Лучше бы сразу в Ель, что уж мелочиться? – Марго знала от учителя биологии, что было несколько кандидатур, но выбрали именно МГУшника.

– Высокий, худощавый, с крупными среднерусскими чертами лица, непослушной кудрявой шевелюрой все того же среднерусского оттенка. Пронзительный карий прицел, скрытый старомодной оптикой. Обычный препода, если бы не длинные хирургические пальцы, – подавляя любопытство, размышляла девушка.

– Черт, возьми карандаш в руки, отвлекись, перестань, как идиотка, заводить на каждого дело с особыми приметам. Обычный он. Имя, интересно, тоже обычное?

Подготовка досье заняла целых двадцать секунд до того, как вербовщик произнёс уже знакомым гипнотическим то-

НОМ:

– Доброго всем утра, юные дарования! Давайте знакомиться. Так уж вышло, что я ношу имя королевских особ. Но для вас я просто доктор Филипп, – преувеличивая свою значимость, вполне уверенно выдал всего лишь автор готовой к защите кандидатской.

– Я намереваюсь забрать лучших из вас в лучший московский ВУЗ. Есть желающие?

Выпускники юмор не оценили, а Рита, сидевшая за второй партой в левом ряду, неодобрительно щурясь, следила за движениями его длинных красивых пальцев, и проговаривала про себя циклично «Филипп-Филипп-Филипп», не осознавая, как ломает карандаш на мелкие кусочки.

С того самого карандаша подготовка к поступлению в университет, откуда прибыл неопознанный объект, стала целью и смыслом её шестнадцатилетний жизни. Девушка готовилась днями и ночами, будто от этого зависело не только направление деятельности на ближайшие три, или, если повезёт, целых пять лет, но вся ее целиком неподдающаяся в силу возраста измерению жизнь. Молодости ведь никто не удосуживается доходчиво пояснить, что первое образование зачастую не то, что будет сопровождать тебя по жизни, не то, что будет тебя кормить и, тем более, радовать. Предвступительная пора настолько стремительна и часто хаотична, что отнестись к ней философски выходит крайне редко. Это всегда гонка в неопознанную даль, попытка осязать неосвязае-

мое, копилка ожиданий, которым в 90% не доведётся сбыться.

С Ритиным дотошным подходом получить наивысший проходной балл, казалось, просто, но на экзаменах, услышав из уст того самого аспиранта элементарные вопросы, те, на которые абитуриентка отвечала раньше сходу и без запинки, она будто онемела.

В тот день, седьмого июля 1991 года, Рита стояла за кафедрой, а Филипп находился зачем-то очень-очень близко, намного ближе, чем в обычной подготовительной жизни. Внутри нее все ходило ходуном, она силилась сформулировать хоть одну здравомыслящую фразу, но, увы, выходили лишь нелепые обрывки и неточности. Приёмная комиссия качала головой, задавала, как ей казалось, спасительные дополнительные вопросы, но тем самым только ухудшала сложившийся казус. Нет, Маргарита не набрала ни средний балл, ни удовлетворительный. Можно было забыть не только о бюджетном обучении, но и о дальнейшем общении с Филиппом.

Стыд залил ее юное личико, вынес из стен главного вуза столицы, полных несбывшихся надежд, и приземлил на скамейку гигантской аллеи, переживать позор и соображать, что делать дальше. Тем же вечером мама Маргариты, Наталья Петровна, расстроилась куда больше. Женщина рисовала перспективы выпрашивания денег у отца Риты, поиска третьей ночной подработки. Но, к счастью, ни того ни друго-

го не потребовалось, Филипп уговорил приемную комиссию зачесть экзамен, он дал лучшие рекомендации и уверил всех, что подготовка Маргариты заслуживает наивысшего балла, что девушка банально перенервничала и что это все было простым недоразумением. В самом деле, что не сделаешь ради талантливой студентки?! Так Рита поступила на бюджет, ведь на других экзаменах Филиппа с его парализующим голосом не было, и получить заслуженные пятерки никто не мешал.

С первого же семестра студентка показала себя усердным, трудолюбивым, со всех сторон положительным, но крайне требовательным, в первую очередь, к себе человеком. Ее не устраивали просто конспекты. После лекций Маргарита допрашивала преподавателей вопросами о списке дополнительной литературы для самостоятельного изучения, о неточностях и недостоверностях тех или иных фактов, о ее личных наблюдениях и выводах. Отчетные работы Риты, всегда подготовленные раньше срока, носили не сугубо теоретический, но по большей части практический и даже научный характер. Пытливость и дотошность подопечной не редко вводили в замешательство и самого Филиппа. Он улыбался и любил повторять:

– Вы далеко пойдёте, Маргарита! Я ещё буду вами гордиться.

Студентка в смущении отводила взгляд и задавала ещё один заковыристый вопрос. После второй, закрытой на от-

лично сессии девушка устроилась работать на кафедру, чтобы не только быть ближе к любимому делу, но и сократить путь к бушующим ожиданиям Филиппа.

Ближе к октябрю робкий, как это часто бывает у психов (в смысле у психоспециализированных личностей), но все же роман начал подавать признаки жизни. Маргарита восемнадцати лет прикрывалась образом недотроги так талантливо, что Филипп намеренно держался на расстоянии вытянутой руки. Они гуляли долгими молчаливыми прогулками, особенно радовались, когда попадали под дождь, вымокали до нитки на бегу до ближайшей остановки, ели мандарины, смущались, когда взгляды их пересекались и смаковали каждую совместно проведённую минуту. Эти трепетные полгода привели влюблённых к первому чаепитию в квартире Филиппа, первому завтраку в постели, первой подготовке к сессии и кандидатской в обнимку, с нормальными психическими отклонениями, помноженными на несовместимость и невозможность.

Маргарита с виду была чиста и невинна, но ее теоретические познания и с пристрастием изученные премудрости извлечения удовольствия из своего тела дали бы фору трём Филиппам. При этом сам он, как нормальный псих, уговорив девушку переехать к нему, не спешил начинать изыскания интимных аспектов. Нет, он не то, чтобы не хотел ее. Совсем наоборот. Филипп обожал свою Чарли. Именно тогда док стал так называть Риту после ее рассказа про сгорев-

шую заживо жену мистера Рочестера. Чарли с каждым днем захватывала все новые и новые рычаги влияния, пробуждала в своем учителе слабость до ее откровений, доигрывала эпизоды по своим правилам, предоставляя на обозрение идеальный образец распутной пуританки с заоблачным IQ и жаждой открытий.

Исключая физическое узнавание, Филипп увлечённо собирал мозаику психотипа Чарли. Он вёл журнал ее эмоционального состояния, отмечал сильнодействующие триггеры и хранил фотоархив ее полуобнажённой невинности. Границы нормы у каждого свои. Филипп подобный подход считал не только единственно верным, но и совершенно естественным.

Мужчина был абсолютно равнодушен к бытовым излишествам. Ему хватало кровати, книжного шкафа, стола, кухни и душа. Все прочее считалось лишним и бестолковым. На кухне, как и в остальных помещениях, все было пусто настолько, что Чарли первое время никак не могла освоиться. С одной стороны, ей очень нравилась чистота, но с другой, недоставало уюта и домашнего привычного запаха. Знаете, когда открываешь дверь и по запаху чувствуешь, что ты дома. Но все это отсутствие совсем скоро с легкостью отодвинул на задний план запах Филиппа. Он сам пах для Риты тем особенным домом, в который всегда хотелось возвращаться, независимо от его местонахождения. И Чарли возвращалась снова и снова до тех пор, пока не наткнулась на знакомую

студентку первого курса на той самой стерильной кухне.

Она сидела, как мышка, только голая. А Чарли возьми, да и вернись из поездки с мамой к родственникам из Зеленограда на день раньше. Обрадовать спешила любимого, пирожные привезла и свою соскученную нежность. Филипп в момент ее прихода отлучился по нужде, немую сцену не застал, не был вынужден оправдываться и изобретать велосипед. Все прошло тихо и быстро.

Добравшись домой, Рита позвонила куратору и они вместе выбрали вуз в Питере, в котором она могла закончить образование. Тем вечером студентке пришлось стремительно взрослеть. Она слышала про такие вот вечера взросления, но никак не ожидала, что это случится с ней так скоро. С мамой делиться этим прискорбным фактом дочь не горела желанием, поэтому для неё была придумана легенда о том, что Филиппа пригласили на хорошую работу в Питер и они уезжают через неделю.

Родительница чуть поохала ради приличия, но сказала, что с Филиппом она ее хоть на край света. Очень он ей пришёлся по душе. Внимательный, обходительный, серьезный и главное перспективный молодой человек. Сразу видно, далеко пойдёт. Женщина она была довольно свободных взглядов, но все то же приличие поинтересовалось о дальнейших планах дочери. Слово свадьба не произносилось, тактичности в Наталье Петровне было вполне достаточно, но о семейном бюджете мать все же волновалась. Оба ведь ещё не вполне

встали на ноги. Обещала поговорить с отцом и помогать по мере возможности. Потом они немного поплакали и принялись собирать чемодан.

Филипп же даже не стал утруждать себя объяснениями, сделал вид, что все так и задумано. Тем более, что ничего не было, это был просто метод терапии, который, по его мнению, Чарли с ее пуританскими сложностями не смогла бы понять. Ушла, так ушла. Подумаешь. Куда ей деваться? Вернётся. Но совсем скоро он поймал себя на мысли, что говорит с Чарли чаще, чем с кем бы то ни было, только у себя в голове: советуется, ищет поддержки, здоровается с ней утром в зеркале, обнимает словами перед сном и даже просит вернуться. Мысль эта почти доктору психологических наук вообще не понравилась.

* * *

– День добрый, Марата шесть? – безразлично буркнул таксист, включая счётчик.

– Да, пожалуйста. Добрый день! – Павел сел на заднее сиденье, достал контракт и продолжил вносить правки карандашом.

Через два квартала таксисту позвонили, он чертыхнулся, и попросил проверить нет ли синего пакета за его сиденьем.

– Вот этот? – поднимая начинённый женскими мелочами синий пакет, отозвался пассажир.

– Видимо, – и уже в трубку, – да, нашёл, передам в диспетчерскую, приезжайте послезавтра, – повисла лепечущая в трубке пауза, – да, мне какая разница, я не курьер, послезавтра забирайте. Адрес пришлю в смс, – и отключил вызов.

Через десять секунд настойчивая владелица пропажи вновь обрывала телефон. Выслушав очередные претензии, водитель повторно огласил:

– У меня сегодня последний заказ, я еду на Марата 6. Если хотите, приезжайте... Не могу я Вас искать у Казанского, не хотите, тогда послезавтра.

Для пассажира такси тон водителя был крайне неприятен. Он решил вмешаться в разговор и попросил изменить маршрут до пункта назначения Казанский собор. Тем более, что он собирался туда вечером и ничего не мешало ему немного скорректировать свои планы. Водитель фыркнул, но перечить не стал.

На Грибоедова было жутко ветрено. Мартовский несезон со снегом разгонял малочисленных туристов по общепитам, да гостиничным номерам, поэтому узнать растерянную обладательницу синего пакета, стойко переносившую непогоду, было не сложно. Она стояла, кутаясь в шарф крупной вязки зеленого цвета, в окружении двух чемоданов. Увидев издали свой синий, девушка поспешила навстречу спасителю с пакетом в руках со словами благодарности.

– Да, бросьте вы, пустяки, – улыбался Пашка, пронзённый ее первым же испуганным зеленоглазием.

– Мне было по пути, – соврал он и тут же озвучил первое, что пришло в голову, – так куда мы повезём ваши чемоданы? – Парень был хоть и робкого десятка, но тут слова словно зажили своей собственной жизнью и понеслись в незнакомой владельцу манере галопом:

– А пока мы вызываем такси, вон там, на углу, есть кофейня, уверен, вам просто необходим сейчас горячий напиток.

Маргарита хлопала слипшимися ресницами, не подозревая о следах потекшей туши и краснеющем носе, и не находила варианта уклониться от ответа. С одной стороны, везти их никуда было не надо – вход в гостиницу был через дорогу, – с другой, девушке вообще было сейчас не до кавалеров. Глаза были на мокром месте от пульсирующего чувства страха, возникающего у всех нормальных людей, попадающих в неприятности в незнакомом городе, от беспомощности и тотального одиночества. Секунды две потребовалось, чтобы пульс заботливо убаюкало чувство благодарности, и девушка неуверенно указала в сторону гостиницы.

– Туда, здесь совсем близко. Можно выпить чаю в баре отеля. Кажется, у них есть бар, – пряча в смущении взгляд, спотыкаясь на слове «бар», пролепетала она.

Пашка тут же подхватил чемоданы, не оставляя девушке шанса передумать. Снег зачастил крупными хлопьями в то время, как гостья северной столицы еле успевала за широким решительным шагом незнакомца, смотрела в его непокрытый затылок, по привычке подмечая детали эпизода:

– Шарфа нет, живет один. Женщина бы, любимая или мама, укутала бы его непременно и перчатки бы подарила. Какие ладони крупные, дубленка потерта на локтях, а ботинки чистые, несмотря на непогоду, – двигалась она взглядом сверху вниз, пока гололёд не активировал сигнал «опасность».

– Интересно, откуда он вообще взялся?

Резонный вопрос ошарашил москвичку:

– Действительно, он вышел из того-самого такси, но с чего вдруг, три минуты спустя, посторонний несёт ее чемоданы, идёт настойчиво впереди, шутит? Что у него на уме? Может, мошенник какой? Надо быть начеку. Господи, ну, почему, почему он даже не позвонил? Как она посмела прийти к нам домой, к нему домой, зная меня? Гадость какая, – параллельно с осмотрительностью блуждала Рита по причинно-следственным связям поведения Филиппа.

К счастью, бар в отеле оказался закрыт. Владелица багажа с облегчением попрощалась, отметив с досадой, что услужливый спаситель не проявил интереса ни к оказанию дальнейшей помощи, ни к продолжению знакомства. Он только грустно улыбнулся и ушёл так же неожиданно, как и появился.

Двумя часами позднее, после глубочайшего живительного сна, когда девушка распаковывала чемодан, расставляла туалетные принадлежности в ванной, она пристально посмотрела в зеркало и спросила вслух:

– Какой, к черту, мошенник? Мошенники не возвращают вещи. Даже номер телефона не спросил. Скромняга. Сиди тут теперь одна, недотрога. Изучай достопримечательности из окна.

Через пару минут постучалась мысль о том, что не мешало бы пополнить уровень глюкозы. Маргарита вооружилась самыми тёплыми доспехами и отправилась противостоять питерской вьюге. Проходя мимо ресепшн, отчаянная и голодная, наткнулась на того самого «мошенника» с карандашом в руках, бегло делающего пометки в распечатанном тексте.

– Хм, так вот почему он приехал сюда на такси. Наверное, он тоже тут остановился, – предположила Рита, хотя совпадение показалось странным. Приехать на одном и том же такси в один и тот же отель в большом городе было маловероятным, но не пройти мимо в состоянии «начеку» на этот раз ума хватило. Москвичка приблизилась и тихо поинтересовалась, выдергивая проверяющего из глубины корректируемых смыслов на поверхность ее любопытства:

– Неужели вы тоже здесь остановились?

Павел спешно встал, убрал бумаги и карандаш в рюкзак и признался, что остался внизу на карауле, потому что не решился сразу узнать ее имя и номер, а добросовестный администратор не пожелал раскрыть ее персональные данные. Любопытство сменилось радостью, затем смущением и снова настороженностью, запустившую анализ выражения «персональные данные».

– Похоже, перед нами юрист. Как интересно! – промелькнуло в субтитрах, – а вслух, тоном следователя прозвучало:

– Зачем же вам мой номер? В смысле, вы здесь сидите три часа, чтобы узнать мой номер? – девушка впервые столкнулась с такой открытой манерой высказывать желания в свой адрес и не могла найти ей объяснения. Отражавшийся в зеркале лобби профиль деликатно подсказывал, что красавицей ее в тот день было назвать сложно. Груда вещей, надетых с целью неравного боя со стихией, делала ее изящный силуэт на три размера плотнее, лицо отекло от слез, а волосы подходили на клубок спутанной медной проволоки.

– С чего вдруг ему понадобилось узнавать имя такой, как я? – прозвучало глухим эхом внутри.

– Я не хотел вас пугать и утомлять, – в привычной уже непосредственной манере объяснял подуставший Павел, – решил, что контракт мне все равно, где вычитывать, а вам надо было отдохнуть. Расположился роскошно прямо тут.

– А если бы я не вышла? Вы бы тут роскошно до утра сидели? – чуть мягче, но все же оборонялась Маргарита.

– Ох, я, если честно, так далеко не думал, – снова соврал молодой человек, еще два часа назад продумавший все варианты развития событий. – Наверное, вернулся бы утром. Но вы же вышли, и что-то мне подсказывает, что вы голодны. Разрешите?

– Разрешите что?

– Утолить мой голод, – чуть было не вырвалось у влюб-

лённого, но вслух было учтиво предложено:

– Разрешите показать вам хорошее место для ужина? Я, если честно, и сам ужасно проголодался.

– Ча... – хотела было девушка назвать имя Чарли, но спохватилась и уверенно произнесла, – Марго. 8 555 34 34 343. Разрешаю. Но с одним условием: после ужина я бы хотела дойти до Казанского, поискать масонскую символику. Я о ней много читала, хочу увидеть воочию.

– Слава синему пакету и Питеру! Марго – вот это да!! – воскликнул Павел Андреевич про себя.

– А я ее много видел, покажу вам непременно, но в более радужную погоду, – похвастал он уже вслух, распахнул дверь и жестом пропустил даму вперед.

Агата Станиславовна открыла дверь не сразу. Павел поставил на пол лестничной клетки тяжелые пакеты с продуктами и постучал изо всех сил. Спустя полминуты, ещё раз.

– Идуууу, – послышалось за дверью, – кто там?

– Ба, это мы, открывай скорее.

Зазвенели ключи, замок щелкнул два раза и на пороге появилась интеллигентная старушка в вязаных балетках в тон серой шали.

– Павлуша, а я умаялась, уснула, что же ты не позвонил даже, с обеда же жду, – обнимая внука, Ба прижалась щекой к его плечу, и поприветствовала улыбающимися глазами его спутницу.

– Знакомься, Ба, это Маргарита, студентка психфака из

Москвы.

– Маргарита? Проходите же скорее. Радость-то какая! На-конец-то. Агата Станиславовна, очень приятно.

Рита все это время пребывала в каком-то тумане. Она совершенно была ошарашена тем, что по дороге в кафе недавний подозреваемый предложил зайти в магазин, где ходил с ней по-хозяйски по залу, расспрашивал о вкусовых предпочтениях, набрал несколько пакетов всего и даже больше и доставил их содержимое вместе с девушкой на четвёртый этаж углового парадного соседнего дома. Ещё больше поразило то, что Маргарите и в голову не пришло ни перечить, когда они поднимались по лестнице, ни вообще подумать о своей сохранности. Павел вёл себя настолько естественно, что погрузил спутницу в состояние, близкое к гипнозу. Он вызывал теперь у неё безусловное доверие.

Агата Станиславовна тем временем удалилась с тортом на кухню, а Пашка, сияя, прошептал:

– Маргарита, проходите же скорее. Вы же слышали: «Какая радость!».

– Яяяя, да, яяя... прохожу.

Молодой человек пулей отнёс пакеты на кухню, вернулся, помог девушке раздеться и проводил ее в гостиную со словами:

– Я же обещал вам годное место для ужина. Это оно и есть. Самое лучшее. Я сейчас.

Павел снова убежал на кухню, с которой доносились сбив-

чивые объяснения, рассказ о рабочих сложностях и план действий на ближайшие дни. Сидя на диванчике родом из 60-х, Рита отчётливо ощущала запах дома, где когда-то долго гостило счастье. Стены, фортепиано и сервант были облюбованы фотографиями детских, подрастающих и взрослых улыбок, фиалковый цветник на подоконнике подыгрывал накрахмаленной голубой кружевной скатерти на круглом одностольном столике. Здесь же, словно в фантастическом фильме, лежал мобильный телефон и очки. Противоположная от окна стена вся, от пола до потолка, была облицована стеллажами из вкусно пахнущих книг. Это была любовь с первого вдоха. Рита подошла к инструменту, мечтательно провела кончиками пальцев по клавишам и исполнила свой любимый «Ноктюрн Ми мажор» Шопена.

Ба оказалась душевным собеседником, бывшим аккомпаниатором филармонии и божественным кулинаром. Все сводилось к тому, что Питер принял москвичку в свои потайные объятия, и оставалось только молиться, чтобы на утро это все не оказалось тем самым сном, в который она провалилась этим злосчастливым днём.

Будильник зазвенел в 8 утра. Перепуганная постоялица гостиничного номера вскочила и сон тут же испарился. Маргарита поставила чайник, достала из холодильника сыр, колбасу, крекеры и лимон, подошла к окну. На противоположной стороне улицы курил парень, спасший вчера ее пакет.

Рита оделась, открыла окно и крикнула:

– Эй, это вы?

– Я! – найдя по звуку то самое окно, щурился Пашка. – Я забыл узнать ваше имя. Может, позавтракаем?

* * *

– Да, нет, я хотел лётчиком быть. Дед у меня летал. Не прошёл медкомиссию. Зрение слабовато для лётчика. Потом мы с Ба решили, что летать можно и в правовом поле. И вот я лечу, но или почти лечу, – грустно улыбаясь и смотря в чашку, отшучивался молодой человек.

– У вас, должно быть, славная Ба, – грустно, но все же улыбалась Маргарита.

– Да, она мировая бабуля. Я вас обязательно познакомлю, – перепрыгивал Пашка семимильными скачками к расположению собеседницы, признаваясь в самом личном. – Родители уехали в Сирию, когда мне было 16. С тех пор я их не видел. Автокатастрофа. Мы вдвоём остались. Больше у нас никого. – делая большие паузы между фразами, не без усилия признался Павел.

– Мне очень жаль, извините, что я докучаю расспросами. А вам сегодня не надо на работу? Среда же.

– Надо, конечно, к 12-ти в суд. У нас есть целых три часа. Стихия угомонилась. Предлагаю пройтись. Или ещё по сырнику? – улыбался Пашка.

– Нет. Третий был лишним. Отличная идея – расквитать-

ся с ним тридцатиминутной пешей прогулкой, – согласилась Рита.

По каналу суетились первые весенние солнечные зайчики, лёд тротуаров был надёжно приправлен песком и солью, пахло радостью нового дня.

* * *

Пашка оказался полной противоположностью Филиппа, от которого в последующие полгода поступил только один звонок. Кажется, это была суббота. Видимо, сделан он был в ночном бреду, так как связь оборвалась ещё до того, как Маргарита успела нажать на черно-белую кнопку мобильного телефона – на момент 1993 года новомодного чуда техники, к которому она никак не могла привыкнуть и даже немного стеснялась этого недоступного для большинства подарка отца. Повторного звонка не последовало, то есть для объяснений время ещё не пришло. Такой вывод сделала Маргарита совершенно ровным внутренним тоном. Ее спокойствие набирало силу по мере погружения в Пашкину непосредственность, в завораживающий, так непохожий на московский, процесс обучения, и окончательно установилось после повторного курса проработки произошедшего с куратором.

По всем граням радужное общение Павла и Риты омрачалось изредка любопытством молодого человека по поводу

московской жизни и догадками о причине переезда в Питер. Маргарита, как правило, замолкала, с усилием контролируя подкатывающую волну. Павел понимал, что опять сболтнул лишнего и быстро переводил тему разговора на его любимую. Спустя два месяца проживания девушки в арендованной однушке коренной петербуржец не терял надежды уговорить ее переехать к Ба. Ведь ее хоромы были для неё значительно более, чем достаточны. Ба, конечно, была душечкой, и Рита обожала фиалки, но свою независимость делить с ними категорически не хотела. Равно так же, как многозначительно молчала в ответ на предложение Павлуши погостить у него.

Нет, ни о каких погостить Маргарите тогда и думать не хотелось. Все эти разъезды и новизна сильно отвлекали ее от главного – познаний, изысканий и формирования ее профессиональных амбиций. Вот уже два месяца Маргарита была студенткой СПбГУ на той самой кафедре, где преподавала доктор Черниговская, одна из ведущих специалистов в области когнитивных наук – психолингвистики, нейропсихологии и нейрофизиологии. Вот уже два месяца студентка ежедневно благодарила случай, который забросил ее в эту плодородную научную среду. Здесь ее въедливость и заковыристые вопросы пришлись по душе многим профессорам, что весьма скоро обеспечило Маргарите место младшего специалиста по самым обыденным вопросам. Но! Теперь она могла беседовать с ними не на ходу в коридорах,

а практически полноправно, а иногда даже вместе обедать и снова задавать вопросы:

– Можно ли рассматривать деятельность мозга человека отдельно от сознания, ума? Создает ли мозг мысли? Или это делает сознание?

И получать ответы:

– Ну, деточка, этого никто не знает, что делает сознание. Не верьте тому, кто скажет, что знает это. Нет договоренности о том, что мы будем считать сознанием. Огромный разброс мнений на эту тему! Некоторые люди считают, что сознание присуще всему живому. В том числе и инфузории-туфельке. Но очень простое.

А если мы говорим, что сознание – очень сложная вещь, то, надо признать, что большинство людей им не обладают. Косвенно могу ответить вот так: у нас нет свидетельств, что сознание может появиться где-то, кроме мозга. Наука требует доказательств, и пока ничего не намекает на то, что они появятся. Наука ведь подразумевает повторяемость явлений, проверяемость и статистическую достоверность.

Существуют тысячи свидетельств от художников и поэтов, которые чуть ли не отрицают свое авторство (речь о том, что сознание витает где-то в космосе)... Дикое количество свидетельств, которые говорят – я проснулся ночью, что-то вроде написал, а на листе бумаги гениальное стихотворение.

Что это? Трудно сказать. Научным образом я бы ответи-

ла так – всякие открытия и такие состояния интеллектуальных и художественных прорывов проходят в каком-то тумане, не в ясном состоянии. Поскольку ты не контролируешь этого, появляется ощущение, что «я только записал», будто это кто-то другой делает.

А автор кто? Это сложный вопрос. И это без всякой мистики! Я не имею в виду фей, но метафорически... Да, «явилась» и да, «водила». Но рука сама по себе ничего не делает, если мозг не прикажет. Хозяин у этой истории один – это мозг. И он не очень допускает до своих тайн. Поскольку по умолчанию мозг нами управляет, не мы им. Может быть, более внимательно прислушиваться к его сигналам?

После таких профессорских рассуждений Рита задумывалась:

– А как распознать: это сигналы моего мозга или из соседней головы?

Глава 2. Кандидат

Ученые утверждают, что...

2% от массы тела составляет вес мозга у взрослого человека (1300–1400 г). У новорожденных эта цифра гораздо больше – 10–12% (350–400 г), то есть мозг является одним из самых сформированных органов. Впрочем, масса – не главный показатель. Например, мозг Эйнштейна весил всего 1230 г.

Московское время за кадром тянулось медленно, как грушевый ликёр Бредбери. Вымученная, трижды переписанная, исправленная и дополненная доктором наук, профессором кафедры общей психологии факультета психологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» – Корниловой Татьяной Васильевной, кандидатская была-таки удостоена лестного отзыва на 10 листах, отрывки из которого Филипп заучил наизусть:

«Диссертация Осипова Ф. Н. Является фундаментальным теоретико-эмпирическим исследованием, в рамках которого сравнительно новый психологический конструкт вводится в систему психологического знания и раскрывается таким образом, что позволяет привнести новую типологию в характеристики единства функционирования интеллектуальной и эмоционально-личностной сфер. Актуальность постановки проблем исследования обусловлена не только необходимо-

стью развития теоретического анализа психологии (в указанном аспекте определения структуры эмоционального интеллекта), но и непосредственной связью выраженности эмоционального интеллекта с успешностью профессиональной и учебной деятельности, общения между людьми, стрессоустойчивости и саморазвития личности».

Особенно ему нравился финал:

«Диссертация представляет собой оригинальное, завершённое, самостоятельно выполненное исследование на весьма актуальную тему, и оно может быть квалифицировано как крупное научное достижение и даёт автору право на степень кандидата психологических наук».

Тем летом у кандидата время от времени гостила студентка второго курса, вела с ним дерзкую переписку и в ожидании особого места в жизни начальника администрировала работу его кабинета. Филипп давно хотел начать частную практику, и после защиты кандидатской он решил, что пора. Временная гостья взяла на себя все организационные вопросы: занималась рекламой, расписанием, арендой и оформлением помещения, – словом, была очень удобной, хоть и абсолютно несносной патологией. Филипп был для неё недосягаемым гением, объектом поклонения и незаслуженного счастья.

Впрочем иногда до неё доносились обрывки монологов из ванной. Гений забывал, что в квартире кто-то есть и достаточно эмоционально обсуждал с воображаемой в зеркале

Чарли свои трудности. Он требовал ее участия, возмущался ее длительным отсутствием. После таких эпизодов счастье второкурсницы немного омрачалось, она, с одной стороны, понимала, что занимает пыльную нишу «принеси-подай», а с другой... с другой стороны, она была глупо и бесконтрольно влюблена. Идеальный подопытный образец для исследования и для будущей докторской, название которой уже красовалось на титульном листе: «Структура и типология эмоционального интеллекта».

* * *

Прошло два продуктивных, но максимально бессмысленных года. Исследование к тому моменту студентки четвертого курса планомерно зашло в тупик, чему свидетельствовали отрывистые очереди в сети мессенджера:

Филипп, 6 июл. в 11:49

Что ты делаешь?

Лиза, 6 июл. в 12:19

Работаю

Филипп, 6 июл. в 12:19

А куда все делось?

Лиза, 6 июл. в 12:19

В корзинку для мусора

Филипп, 6 июл. в 12:20

А вчерашнее видео, где ты скользишь с дивана, осталось?

Лиза, 6 июл. в 12:21

Все, что нарушает границы моего равновесия, отправляется

В мусор

Филипп, 6 июл. в 12:23

Ясно. Работай.

Лиза, 6 июл. в 12:32

Твое согласие меня бесит

Лиза, 6 июл. в 12:33

Если вдруг не ясен мотив удаления

Лиза, 6 июл. в 12:35

А ещё меня бесит, когда меня используют в качестве материала для исследования

Филипп, 6 июл. в 12:37

Да блин!

Ну, как так-то?

До этого бесило аккурат обратное. Может, это я тебя бешу, а?

Не мое поведение?

Лиза, 6 июл. в 12:38

Меня бесит, когда ты извлекаешь из меня выгоду и ничего не даёшь взамен.

Лиза, 6 июл. в 12:41

Восклицания о моей восхитительности и роскошестве я не воспринимаю, как должное, но это выглядит как «сейчас я ей налью в уши, она будет доброй и мягкой, и я поймею с

этого клёвый контент»

Филипп, 6 июл. в 12:41

Я????

Лиза, 6 июл. в 12:42

Ты, Фил! Ты!

Лиза, 6 июл. в 12:44

Потому что все остальное, все мои иные аспекты, тревоги, переживания, интересы тебя утомляют и ничего, кроме негатива, в эфир выдаваемого, как «ясно» или «норм», чтобы имитировать хоть какую-то реакцию, у тебя не вызывают.

Лиза, 6 июл. в 12:48

Ты не настроен на встречное движение. Вся твоя деятельность – это вялые ответы через раз. Мне очень-очень сильно не нравится стоять под твоей дверью и стучаться в неё. Я не хочу никаких дверей.

Лиза, 6 июл. в 12:51

Нет, я не ищу конфликта. Я понимаю, что ты вот такой. Что ты даже и не понимаешь, возможно, что это вдруг меня снова понесло. Но это не снова. Просто короче стало расстояние до этого края. Я устала за эти два года. Мне нафик не сдалась твоя имитация?

Лиза, 6 июл. в 12:54

Я произнесла «обними меня» раз сто за последние два месяца. Я не могу не просить, потому что мне это нужно. Мне нужно это, Филипп! Слышно тебе?! А тебя ничего, кроме себя самого и моих трусиков, не волнует.

Филипп, 6 июл. в 12:58

Я соглашаюсь и не спорю

Боже, будет продолжение?

Лиза, 6 июл. в 12:59

Прекрати издеваться

Лиза, 6 июл. в 12:59

Ты хочешь, чтобы я замолчала?

Да не вопрос

Филипп, 6 июл. в 13:00

Нет, не хочу

Лиза, 6 июл. в 13:06

Тогда у тебя неправильная тактика

Филипп, 6 июл. в 13:06

У меня уже очень давно нет никакой тактики

Лиза, 6 июл. в 13:06

Вот она «я соглашаюсь и не спорю»

Филипп, 6 июл. в 13:07

Об этом просила ты

Лиза, 6 июл. в 13:08

Нет, не просила, это ты и твой протокол

Лиза, 6 июл. в 13:37

Тебе самому приятно что ли, что я прошу, прошу, прошу?

Мне всегда что-то от тебя нужно. Тебе же напротив, крайне редко и, в целом, не особо и нужно. Самого ничего не смущает в таком формате взаимоотношений? Нет там у тебя что ли, внутри, никаких внутренних мотиваций, кроме моей

непрерывной азбуки Морзе? Со стороны читается, что нет там вообще ничего, что там одно подавленное до мертвоты желание чего-то неоформленного, которое добывается моими многочисленными потребностями.

Я выдумала того, кого не нужно просить, и пытаюсь тебя в него уместить. Повешу себе на лоб эту установку и смирюсь с ней.

Лиза, 6 июл. в 13:48

У тебя нет никаких причин, чтобы продолжать выслушивать мои бесконечные претензии.

Филипп, 6 июл. в 13:49

Ты так общаешься с миром. Я его часть. Ничего не поделять

Лиза, 6 июл. в 13:49

Все, что ты делаешь последние два года – отбиваешься от моих желаний. Всеми возможными способами отмахиваешься и продолжаешь слушать одну и ту же песню. Я не понимаю, зачем ты это делаешь.

Лиза, 6 июл. в 13:50

Прекрати это терпеть

Всем станет легче

Лиза, 6 июл. в 13:51

Мужик ты, в конце концов, или кто!?

Лиза, 6 июл. в 13:51

Сколько можно все проглатывать и делать вид, что все норм

Лиза, 6 июл. в 13:51

Давно не норм, никогда не было норм

Лиза, 6 июл. в 13:55

Я не общаюсь так с миром. Мне насрать на мир. Я ничего у него не прошу, не предъявляю и не жду.

Ничего не поделать – это капец, а не позиция для мужчины. Женщина нуждается в опоре, безопасности, надежности, нежности и уверенности, в конце концов, в том, что она единственно любимая. Что из этого ты мне даёшь?

Лиза, 6 июл. в 14:02

Нечего ответить

Лиза, 6 июл. в 14:03

Увы

Лиза, 6 июл. в 14:03

Мужчина! Ау, вы где там!?

Лиза, 6 июл. в 14:04

Вы не спорите с истеричками? Такая у вас концепция?

Лиза, 6 июл. в 14:04

Или вам стыдно оттого, что вы так все запустили и когда роскошная девушка превратилась вот в это вот нечто

Лиза, 6 июл. в 14:12

Молчи, молчи. Она успокоится, всегда успокаивается. Ей же нужно, в конце концов, чтобы ее обнимали 15 раз в день, не тебе. Все правильно думаешь. Молодец. Но ее присут-

ствие будет все реже и короче, пока она не найдёт суррогатного донора. Ты же этого добиваешься? Ничего не делаешь для того, чтобы хотя бы приблизиться к пониманию истины.

Филипп, 6 июл. в 14:26

Веду сеанс

Полчаса, пожалуйста

Лиза, 6 июл. в 19:49

Полчаса, да ещё и пожалуйста, давно закончились. Твое системное избегание основополагающих в любых отношениях вопросов даёт мне право отказаться от дальнейших изысканий. Дело закрыто.

Филипп, 6 июл. в 19:49

Лиз, пожалуйста

Я в работе весь день. Сейчас вот закрываю кабинет и иду домой.

Филипп, 6 июл. в 22:34

Добрался. Как ты там?

Лиза, 7 июл. в 00:30

Мне неинтересно продолжать старые песни о главном

Филипп, 7 июл. в 00:34

Ты помнишь, что мы за Италию?

Где там твоя страсть?

Сейчас самое время!

Филипп, 7 июл. в 00:43

Фух

Ну, теперь только финал

Спокойной ночи

На следующий день Лизе доставили две пары туфель и она по привычке, несмотря на обиду, скинула их на выбор Филиппу. Она часто не то, чтобы советовалась, но использовала туфли в качестве легкого флирта.

Филипп, 7 июл. в 14:05

Эти

Лиза, 7 июл. в 14:06

Обе

Филипп, 7 июл. в 14:06

Нет, вторые скучные

Лиза, 7 июл. в 14:07

Бежевый летний и подходит подо все. А чёрный, скорее, на выход. Не люблю чёрную обувь и сумки.

Филипп, 7 июл. в 14:08

Тогда ладно, но мне черные очень понравились, и платье я это люблю

Лиза, 7 июл. в 14:08

Черные с намеком на элегантное доминирование

Филипп, 7 июл. в 14:09

Вообще не показалось так

Лиза, 7 июл. в 14:09

Жалко не было красных

Филипп, 7 июл. в 14:10

Под то платье?

Лиза, 7 июл. в 14:10

Красный тоже ко всему

Если есть красная сумка

Лиза, 7 июл. в 14:11

То платье ты теперь на дух не переносишь

Филипп, 7 июл. в 14:11

Вовсе нет

Филипп, 7 июл. в 14:11

При чем тут оно?

Лиза, 7 июл. в 14:12

Оно источало аромат, который я люблю. И которым я не прекращу пользоваться. Мне нравится его сладкая терпкость. Виноградная косточка мне в нем чувствуется, но в описании ее нет. Смотри:

Головные ноты: мимоза, личи, лепестки розы

Срединные ноты: цветы апельсинового дерева, гардения и тубероза

А базовые: фиалковый корень, аккорд замши, марципановый мускус и амброксид

Филипп, 7 июл. в 14:28

Как ловко. Не Лиза его облила, а оно источало

Лиза, 7 июл. в 14:40

Я не обливала. Ты не должен был прикасаться ко мне, и ты не прикоснулся. Все четко сработало.

Филипп, 7 июл. в 14:43

Какая же ты восхитительно сексуальная девушка

Филипп, 7 июл. в 14:44

Вот правда

Лиза, 7 июл. в 14:45

Трусики что ли рассмотрел?

Филипп, 7 июл. в 14:46

Нет

Филипп, 7 июл. в 14:46

Думаешь, я такой примитивный?

Хотя, я знаю, что думаешь. Это одна из твоих фундаментальных ошибок

Лиза, 7 июл. в 14:49

Думаю, откуда у меня синяк такой?

Филипп, 7 июл. в 14:49

Что за царапина с синяком?

Лиза, 7 июл. в 14:50

Это одна из твоих фундаментальных ошибок – думать, что я думаю.

Лиза, 7 июл. в 14:51

Я люблю тебя не за похоть, ее проявлений нет вовсе. Она отсутствует у тебя даже в слове «сексуальная», но внутри ее много.

И я это точно знаю

Ее подавление делает тебя похожим на малыша

Филипп, 7 июл. в 14:53

Кибальчиша?

Лиза, 7 июл. в 14:53

Это очень трогательно было до поры

Вспомнила. Двигала мебель и вазоны на веранде
Или... сумку несла с острыми краями. Отсюда и синяк.

Филипп, 7 июл. в 14:56

Ведь совсем не обязательно проявлять агрессию и пытаться доминировать. Правда?

Лиза, 7 июл. в 14:56

Кому?

Я не проявляю агрессию, но доминирую в силу того, что ты лентяй

Мне нужно действие, а тебе бездействие

Лиза, 7 июл. в 14:59

Я совершенно спокойно и честно тебе уже сто раз повторила, что устала тебя сподвигать на то или это. Не надо тебе, значит, не надо. Что мне, убиться что ли теперь. Я не могу столько ждать, сколько тебе нужно для его совершения.

Филипп, 7 июл. в 14:59

Я же в отпуске с сегодняшнего дня. О каком действии идет речь?

Лиза, 7 июл. в 14:59

Поздравляю. И ничего не прошу. И знаю, где ты. Я не про сейчас говорю. Ты просто такой

Филипп, 7 июл. в 15:03

А ты очень красивая

И я очень тебя хочу

Лиза, 7 июл. в 15:05

Да-да, это очень приятное, совершенно несовместимое с

реальной жизнью знание, но мне удаётся прятаться за ним от суеты.

Ещё похотливее можно?

Филипп, 7 июл. в 15:06

Я стесняюсь

Лиза, 7 июл. в 15:06

Уже можно не стесняться. Мы скоро разбежимся. Это сейчас какой номер разговаривает? Достань мне девятого, он обычно не стесняется и все помнит

Филипп, 7 июл. в 15:19

Ты уже их пронумеровала? Хотя, блин. Конечно же, да

Лиза, 7 июл. в 15:20

На каждом ярлычок с триггерами. Ох, сделаем вид, что ты не понимаешь сейчас ничего

Лиза, 7 июл. в 16:19

Обняла себя сама, пусть тебе будет совестно

Филипп, 7 июл. в 16:19

Мне совестно очень. Правда. Ты ведь чувствуешь такое?

Филипп, 7 июл. в 16:23

Должна

Лиза, 7 июл. в 16:25

Я чувствую, что ты не особо обращаешь внимания, на то, что я чувствую

Позиция рабочая, но очень затратная

Филипп, 7 июл. в 16:26

Вообще нет

Лиза закрыла кабинет на обеденный перерыв, сняла видео, как она медленно расстегивает пуговицы по всей длине платья, сбрасывает его на пол, в одних туфлях задумчиво подходит к окну с опущенными жалюзи и усаживается на широкий подоконник. Она отредактировала тон картинки, отрезала лишние края и запульнула им в Филиппа.

Филипп, 7 июл. в 16:27

Интересный сегодня ракурс

Лиза, 7 июл. в 16:28

Завидуешь подоконнику, очевидно?

Но больше я тебе ничего не покажу

Лиза, 7 июл. в 16:38

А ступни у меня холодные даже в такую погоду

Филипп, 7 июл. в 17:08

Вот бы прижаться к ним чем-то горячим

Лиза, 7 июл. в 21:58

Обняла себя

Филипп, 7 июл. в 21:59

А меня?

Филипп, 7 июл. в 22:00

Сегодня мы за данию

Лиза, 7 июл. в 22:00

А тебя надо? Тебе же жарко

Филипп, 7 июл. в 22:00

Дома холодно. Погреб же

Лиза, 7 июл. в 22:03

Потерпишь. Тебе не бывает холодно

Филипп, 7 июл. в 22:04

Бывает, но редко

Лиза, 7 июл. в 22:04

За исключением случаев, когда ты ждёшь кого-то под до-

ждем

Лиза, 7 июл. в 22:07

Ещё бы, за данию, однозначно

Филипп, 7 июл. в 22:07

Моя сладкая

Филипп, 7 июл. в 22:12

Вообще бешеное желание проснулось. Хочу тебя страшно

Лиза, 7 июл. в 22:13

Можешь только положить руку

Филипп, 8 июл. в 00:06

Спасибо

Лиза, 8 июл. в 00:06

Спокойной ночи

Филипп, 8 июл. в 00:06

И тебе

Филипп, 8 июл. в 00:06

Опять пенальти будет, похоже

Лиза, 8 июл. в 00:06

Есть шанс

Филипп, 8 июл. в 00:10

Нет, нет шанса

Филипп, 8 июл. в 00:13

Твари. Не было там пенальти. Это симуляция

Лиза, 8 июл. в 00:13

Ещё немножко есть времени

Филипп, 8 июл. в 00:17

Ну, это же позор. Вар для этого и ввели. Судьи же посмотрели повторы. Я такого не видел еще, если честно

Лиза, 8 июл. в 00:31

Сегодня вообще гнилой день. Мышиная возня. Ни одного поцелуя, ноль пальцев. Но зато Филипп невероятно мил и радушен. И, конечно, первые чёрные туфли, в которые я влюблена.

Ещё одно видео было щедро подарено кандидату. Ближний ракурс на идущих в замедленной съемке десятисантиметровых каблуках с аккуратными капельками клёпок по периметру колодки, которые изящно несли тончайшие щиколотки с точёным ахилловым изгибом. Плывущая грация спровоцировала рычащую реакцию смотрящего.

Филипп, 8 июл. в 00:33

Rrrrrrrrr. Ещё.

Для еще было уже поздно. Лиза отправила пару полных мыслей, которые были услышаны и традиционно проигнорированы лишь на следующее утро.

Лиза, 8 июл. в 00:36

Если я была мужчиной, я бы попросил остановиться именно в этом ракурсе, снять платье и потом девушке бы было очень щекотно от обнюхиваний. Хорошо, что я не мужчина и не хочу никаких Магдален.

Хрен с ними, с англичанами.

В ту пятничную ночь девушка тяжело спала. Пустая бутылка совиньона, оставленная на прикроватном столике, омрачила утро, едва оно ошарашило пробужденную грозowymi раскатами, эхом отдающимися в ее сознания. Проснувшейся хотелось поставить точку, скорее закрыть дело Филиппа с пометкой «В архив». Суббота просила тишины и пощады. Поэтому архивариус прежде приняла ванную, надела джинсы с белой хлопковой рубашкой, приготовила лёгкий соленый завтрак, сходила на массаж, купила брокколи с мидиями и вот уже после обеда расчехлила дробовик своих намерений, открыв огонь на поражение, отгоняя мысль о том, что через пару часов она сама превратиться в решето:

Лиза, 12 июл. в 14:35

А ещё я знаю, что стоит тебе хоть немного ослабить контроль и сказать мне все, что ты накопил за это время, как я мгновенно превращусь в кровавую лужу

Это очень страшное для меня знание

Намного страшнее того, что ты не знаешь, хочешь ты быть со мной или нет.

Филипп, 12 июл. в 14:43

Не

Лиза, 12 июл. в 15:32

С этим я уже как-то примирилась. Неопределённость уни-чтожила когда-то остро впивающуюся в меня необходимость в положительном ответе. «не знаю» оказалось ещё больнее, чем «нет и никогда».

Филипп, 12 июл. в 16:06

А ведь сотни раз прямо говорил – все работает только один раз. Второй раз это начинает выглядеть очень слабо. Я же не собака Павлова

Лиза, 12 июл. в 16:06

Ну, что же я же сама выбрала такого. Пожалуйста, кушай-те теперь, Лиза. Гадость какая, сама придумала, сама ужаснулась. Вот это шестой. Я его не перевариваю.

Филипп, 12 июл. в 16:11

А я никого не «не перевариваю», ты попробуй

Лиза, 12 июл. в 16:11

Он злобный, ехидный, довольный собой и своим превос-ходством

Лиза, 12 июл. в 16:12

Он причина моих слез и истерик

Филипп, 12 июл. в 16:12

Улыбающаяся рожица

Лиза, 12 июл. в 16:12

Я удаю сейчас и замолчу

Филипп, 12 июл. в 16:12

Он, конечно. Не ты. Не твое восприятие. Не твое нежелание следовать логике и узнавать новое. Он

Лиза, 12 июл. в 16:13

Мне противно от того, какой ты сегодня

До тошноты уже противно

Это любовь у тебя такая?

Филипп, 12 июл. в 16:14

Просто запомни

Лиза, 12 июл. в 16:14

На х&ц

Филипп, 12 июл. в 16:14

Это не сложно

Лиза, 12 июл. в 16:14

Пойдут

Все

Твои

Умные

Мысли

Филипп, 12 июл. в 16:15

И когда в следующий раз захочешь сказать что-то из-за кого-то, подыши и пойми

Склонность человека объяснять поведение других их индивидуальными особенностями, а своё поведение – ситуацией, внешними обстоятельствами – это неправильно

Лиза, 12 июл. в 16:16

Но испытываешь на себе все последствия этого моего нюанса восприятия

Филипп, 12 июл. в 16:17

О!

Угрозы!

Данный феномен можно продемонстрировать на примере плохо успевающего студента и его научного руководителя. Студент склонен объяснять свои проблемы внешними обстоятельствами: стрессом, здоровьем и т. Д. Научный руководитель, в свою очередь, пытается объяснить это неорганизованностью студента, его ленью, слабыми способностями. В данном примере студент является участником события и апеллирует к обстоятельствам, а научный руководитель как наблюдатель объясняет поведение личностными особенностями студента.

Лиза, 12 июл. в 16:18

Это отбивает всякое желание вступать с таким человеком в интимную связь

Просто потрясающе активная фаза отвращения

Давай ещё

Ты не обличишь меня в глупости

Филипп, 12 июл. в 16:19

Я этим и не занимаюсь

Лиза, 12 июл. в 16:19

Занимаешься именно этим

Филипп, 12 июл. в 16:19

Это просто когнитивное искажение. Не глупость

Лиза, 12 июл. в 16:19

Мне это неинтересно

Не интересны твои попытки показать поверхностные зна-

ния чего-то там

Позволяющие тебе якобы анализировать мое поведение

Ты омерзительен в такие вот моменты, повторюсь

Это главное

Лиза, 12 июл. в 16:21

Ещё

Филипп, 12 июл. в 16:21

Вот опять

Я омерзительен или выгляжу омерзительным?

Первое – факт. Второе – мнение

Лиза, 12 июл. в 16:21

Твое поведение вызывает омерзение

Филипп, 12 июл. в 16:21

Первое объективно. Второе – нет

Лиза, 12 июл. в 16:22

Я вся сплошное мнение

А факт тут только ты

А теперь обобщи, какова была цель и чего ты добился

Филипп, 12 июл. в 16:24

Что-то не похоже на мнение

Лиза, 12 июл. в 16:25

Да мне пофиг, если честно

Факт это или мнение

Филипп, 12 июл. в 16:25

В этом и вся беда

Лиза, 12 июл. в 16:25

Ты умничаешь и считаешь это клевым

Я смотрю и не восхищаюсь ни разу

Филипп, 12 июл. в 16:26

Повторюсь: склонность человека объяснять поведение других их индивидуальными особенностями, а своё поведение – ситуацией и внешними обстоятельствами

Лиза, 12 июл. в 16:26

Это же бредос

Филипп, 12 июл. в 16:26

Это точное описание твоего поведения сегодня

Я усну минут через 30. Не теряй меня

Лиза, 12 июл. в 16:28

Поведение других никак иначе не объяснить

Только через своё восприятие

Это же элементарно

Филипп, 12 июл. в 16:29

А свою реакцию?

Да лаааадно!

Не через анализ фактов?

Лиза, 12 июл. в 16:29

Ровно, как и свою реакцию

Это какие-то аксиомы

Филипп, 12 июл. в 16:29

Это потрясающе

Лиза, 12 июл. в 16:29

Какие факты

Филипп, 12 июл. в 16:29

Никак иначе и точка

Все

Лиза, 12 июл. в 16:30

Мое восприятие не связано с фактами

Филипп, 12 июл. в 16:30

Лиза сказала – никак иначе

Так почини

Лиза, 12 июл. в 16:30

Мое восприятие исключительно через мою призму

Мне отлично и так

Мало омерзения

Я хочу ещё

Я даже не удалила чат

Филипп, 12 июл. в 16:31

Это пока

Лиза, 12 июл. в 16:31

Это вообще

И менять себя для тебя я, увы, не собираюсь

Как-то большую часть жизни прожила вот с такой особенностью, не особо страдала от неё

Филипп, 12 июл. в 16:33

Не для меня

Лиза, 12 июл. в 16:34

А факт заключается в том, что тебе не претит меня унижать, снисходительно кривить лицо, указывать мне на мое особенное, неверное, ущербное, по всей видимости, с твоей точки зрения, восприятие и ещё и говорить «почини». Ты себя иди «почини».

Филипп, 12 июл. в 16:37

Я не унижаю тебя никак и ничем

Лиза, 12 июл. в 16:38

Ты унижал меня многократно за последние 2 года

Это постоянное чувство, которое я испытывала из-за тебя

А ты, осознавая это, вместо того, чтобы прекратить, злорадуешься и упиваешься успехом на данном поприще

Лиза, 12 июл. в 16:41

Даже уже не жаль тебя

Филипп, 12 июл. в 16:41

Да нет же

Лиза, 12 июл. в 16:41

Просто нечего сказать

Филипп, 12 июл. в 16:41

Нет, не из-за меня

Лиза, 12 июл. в 16:41

У нас несовместимость

Это факт

Ты причиняешь мне гигантское количество боли и уни-

жения

Филипп, 12 июл. в 16:42

)

Лиза, 12 июл. в 16:43

Ты, очевидно, садист

Не замечала

Раньше

Но вот сегодня

Прямо повезло

Просто садюга натуральный

Не было бы тебя, не испытала бы

Никто так не издевается изуверски, как ты

Думаешь, я из-за большой любви продолжаю этот бредовый разговор?

Расстрою, мне нужен предельный уровень ненависти, после которого я никогда больше не заговорю с тобой

Филипп, 12 июл. в 16:48

Ага

Лиза, 12 июл. в 16:48

Дай мне его

Филипп, 12 июл. в 16:49

То есть, ты пытаешься заставить меня тебе нагрубить, ни хера не выходит, и ты просто интерпретируешь мои слова, как тебе надо?

Лиза, 12 июл. в 16:49

Увеличьте мощность

Мне нужна ненависть

Ненависть достигается омерзением

Давай ещё, погноби меня

Филипп, 12 июл. в 16:52

У меня нет. Ненависть – это топливо для нападения, а омерзение для того, чтобы держаться подальше. Поэтому ненависть хорошо применять в суде, а омерзение в жизни

Лиза, 12 июл. в 16:54

Простая же просьба

Давай

Ты же так хорош в этом

Филипп, 12 июл. в 16:54

Я не гноблю тебя. Ты все сама

Говорю же

Все, я спать

Лиза, 12 июл. в 16:54

Я сама бодра и весела

Но только рядом с тобой частенько полное ничтожество

Значит, причина не во мне

Вся остальная часть человечества не вызывает во мне таких реакций

Черт

Упустила волну

Ну, все же так хорошо было

Ну, не страшно, накручу

Лиза, 12 июл. в 21:40

Апперцепция – это зависимость восприятия от прошлого опыта и особенностей личности воспринимающего.

Огромную роль в апперцепции играют знания человека, его предшествующий опыт. В процессе восприятия, для того, чтобы классифицировать то, что воспринимаете, вы будете выдвигать и проверять гипотезы о принадлежности объекта к той или иной категории. Таким образом, при восприятии активизируется прошлый опыт. Поэтому один предмет может по-разному восприниматься разными людьми.

Содержание восприятия определяется поставленной задачей, мотивами деятельности, интересами. Существенное место в апперцепции занимают установки и эмоции, которые легко могут изменить содержание восприятия.

И это одно из 7 свойств нормального восприятия

Филипп, 12 июл. в 21:41

Нет. Это сбой, мешающий рационально мыслить

Лиза, 12 июл. в 21:41

Это твоё заблуждение

Филипп, 12 июл. в 21:42

)

Лиза, 12 июл. в 21:43

У меня нет когнитивных искажений и ты не очень умно
это доказываешь

Филипп, 12 июл. в 21:43

Ааааааа

Они есть у всех!

Ты чего!

Лиза, 12 июл. в 21:43

Здорово, а у меня нет

Филипп, 12 июл. в 21:44

Задача – научиться их выявлять и не мешать рационально мыслить!

Лиза, 12 июл. в 21:44

Не хочу я мыслить рационально

Это не ясно, что ли?

Лиза, 12 июл. в 21:45

Не хочу быть рациональным, как ты

Лиза, 12 июл. в 21:45

Не хочу. Мне отлично в моем эмоциональном мире. И решения я принимаю быстрее тебя. Перебьешься. Ты или иди уже в доктора, или нечего по верхам шлепать. Прочитал две книжки и прямо профессор. И давай на мне отрываться. Ты мне неприятен. Это тебя не волнует, похоже, сегодня

Филипп, 12 июл. в 21:47

Три

) курочку рябу, синюю и третью

Лиза, 12 июл. в 21:48

Своим рациональным умом тебя это умозаключение никак не тревожит? Ты мне крайне неприятен. Нет, не бесишь, а вызываешь брезгливость. Вот всей этой своей заумной позицией. И нежеланием распознать в данной ситуации последствия твоей показухи. Ты!!! Начитавшийся и типо суперспо-

собный к рациональному мышлению, совершенно не понимаешь, как глубоко ты закапываешь мое к тебе некогда безусловное стремление. Искренне желаю тебе найти такую же рациональную и интересную, как ты, женщину, с которой у тебя все получится без «я не знаю пока». Просто все сложится и ты будешь счастлив.

Лиза с наслаждением захлопнула воображаемое дело Филиппа и написала на нем красивым ровным почерком «в архив». Девушка подмигнула своему отражению в темном телевизионном экране и, скинув каблуки, принялась танцевать под тихую джазовую панихиду с бокалом вишневого сока в торжествующих пальцах.

Филипп буднично кликнул на крестик в верхнем углу, предварительно пересохранив файл с докторской с принятыми правками. Продолжая смотреть в экран, кандидат поднес чашку к губам, намереваясь допить остывший кофе, но с досадой обнаружил, что она пуста, отнес ее в посудомойку, принял душ, согласился с тенью Чарли в том, что вывод надо бы сделать более лаконичным, и лёг спать.

Глава 3. Жизнь удалась

Ученые утверждают, что...

12–25 Вт – энергетический расход мозга. При этом за день в голове возникает от 25 000 до 100 000 мыслей и образов. То есть, одна мысль сменяет другую с частотой 1–3 секунды.

– Какого черта я здесь делаю? – бухтел бывший кандидат, ныне профессор и без трёх часов супруг двадцатисемилетней Анны из рода потомственных анестезиологов. Завязывая стального цвета узкий матовый галстук, Фил вглядывался в свои красноречиво расширенные зрачки.

– Какая нахрен свадьба? Надо было настоять на тесте ДНК. Не мой ведь, как пить дать, не мой. Терпеть не могу эту слезливую укоризну в ее взгляде, эту дрожащую псевдо-доверчивость, эту... а, ну, их. Вон какая породистая зато, мечта Рембрандта. Прохладно всегда дома от ее стерильности. Тихо. А дети быстро растут. И потом, мать внуков давно ждёт. Пусть занимается. Меньше меня допекать станет. Надеюсь... Три года с небольшим уже ни слова. Во вторник будет, – Фил заглянул в календарь, прикинул, – во вторник – ровно сорок месяцев. Может, подбодрить ее улыбками новобрачных? Нет, ну, что за дичь ты несёшь? Нужна она тебе? Брось... Нужна, черт, как же она мне нужна. Сорок месяцев. Ну, и что с того? Хоть триста... Дурацкий галстук. Скорее

бы уже завтра.

По плану отца Глеб и, правда, рос быстро и не отвлекал его от неотложных конференций, публикаций и стажировок. Мальчик, окружённый дамским царством, с малых лет привык к опеканию и потаканию. Мама Филя посещала с Глебом консерваторию по ежегодному абонементу и прочила ему успех на лучших мировых концертных площадках классической музыки. Мама Анны настаивала на биофаке и часто брала ребёнка на семинары под предлогом того, что оттуда они поедут в зоопарк или бассейн. Сама Анна быстро потеряла всякий интерес к жизни с Филиппом вскоре после того, как впервые услышала монолог с зеркалом, доносящийся из ванной. Она была спокойной и довольной своей сытой, благополучной жизнью, имела пару любовников в год и считала, что жизнь ее удалась. Фил был вежлив, терпелив и сдержан. Вежлив он был до бешенства окружающих. Там, где у других терпение заканчивалось, его только начиналось. Доктор наблюдал за окружающим миром через призму человеческих слабостей и снисходительно смотрел сквозь песочные бури и замки своих пациентов и близких. В то время как свои собственные бури хранились глубоко-глубоко и терзали его по ночам.

Чарли, едва покинув реальное измерение Филя, поселилась в ином, зеркальном измерении, по ту сторону осознания, там, где Фил был лишь марионеткой. Она регулярно приходила в его сны, молчала, долго смотрела на него опу-

стошающим взглядом, не слышала его оправданий, упрёков, уговоров, обещаний. В момент, когда Филипп достигал предела терпения в попытке докричаться до неё, сдвинуться с места, сделать тягучий шаг навстречу, Чарли разворачивалась и уходила. Сон повторялся всякий раз с неизменным сюжетом, но в разных обстоятельствах: то днём – в сквере, то ночью – в заброшенном доме, то вечером – в поезде. Док пытался ее остановить, догнать, найти снова, снова и снова, но то ноги не слушались, то пелена тумана сгущалась, поглощая фигуру любимой, то уходящая превращалась в мираж и догоняющий пронзал пальцами воздух в попытке ухватить край ее платья.

Реальность, подобно антикварной пишущей машинке, сухо стучала по рельсам памяти бесцельной чередой дней, недель, лет. Когда сыну исполнилось двенадцать, Филипп подобрал для наследника школу в Швейцарии и вскоре будущий дипломат отбыл с матерью заканчивать среднее, получать высшее образование и расширять чувственный кругозор в европейских широтах. Двенадцать семейных лет в дополнение к трём, ранее проведенным в одиночестве, составляли ссылку в осязуемых пятнадцать лет. Долгих, остро осязаемых пятнадцать лет с редкими, короткими пересечениями их разнонаправленных с Чарли жизнью.

Док четко помнил, как на пятом году заключения он начал требовать амнистии, писать длинные оправдательные речи и искать все, что только можно было найти о Чарли в научных

публикациях того, досетевого времени.

Детектив-самоучка выяснил, что Рита закончила СПГУ, работала на кафедре общего языкознания, с 2000 года занималась когнитивной лингвистикой. Но одно дело — требовать амнистии, и совсем другое — быть амнистированным. Сознание Филиппа продлевало срок заключения всякий раз, когда до встречи оставались считанные дни вердиктом «Я не готов».

Наступление стадии готовности у психов предугадать невозможно. Если плюс-минус нормальный человек, осознавая потребность, которая заполняет большую часть его существования, предпринимает целенаправленные усилия, чтобы удовлетворить ее, то люди с особенностями часто ищут повод, чтобы вытеснить эту потребность, подменить ее псевдоважной деятельностью, найти оправдания, обесценивающие ее значимость.

В прочем имеются еще более тяжелые случаи среди людей, чья профессия связана с внутренним миром. Фанатичные искатели закономерностей и принципов функционирования сознания и подсознания, изобретатели патологий и девиации, творцы методов здоровой безмятежности — они идут дальше, когда речь идет об их собственных нуждах. Психи начинают их исследовать вдоль и поперек, будто они принадлежат не им, а Галине Васильевне из пятой палаты.

Филипп был законченным психом. С тех пор, как он встретил Чарли, целью его было хакнуть собственную систе-

му контроля в обход базовых установок, создать собственный внутренний кодекс, позволяющий управлять теми, кто отдает приказы внутри его сознания, и внедрить инструменты, обеспечивающие неукоснительное исполнение кодекса. Амбиций доку было не занимать. Реализация этой утопической идеи, собственно, и являлась той самой вытесняющей деятельностью, которая позволила Филиппу ни пять, ни десять, а целых пятнадцать лет жить в стороне от совокупности потребностей, связанных с Чарли, или Маргаритой Гордеевой. Первостепенной задачей для достижения поставленной цели было научиться отстраненно категоризировать характер противодействия или, наоборот, несанкционированного вмешательства со стороны внешних факторов исследования, а значит, не реагировать, а лишь хладнокровно фиксировать нежелание Чарли приближаться или напротив, стремиться быть слишком близко без предварительного одобрения субъектом исследования, то есть Филиппом.

Свой отточенный годами метод, выверенный до наноэмоции Филипп решил проверить на зимней выездной трехдневной сессии, посвящённой изысканиям в области нейролингвистики, в которой доктор как бы случайно, но вполне действительно организовал собственное участие, зная, что в списке спикеров числится та самая Черниговская со своими лучшими студентами и коллегами по кафедре. В течение первых двух экспериментальных дней доктор Осипов наблюдал хозяйку своих видений живьем очень-очень близко.

Маргарита, привычно досконально изучив списки участников, отлично понимала, кто будет претендовать на ее самообладание и, вполне возможно, вступит в, как минимум, визуальный контакт. Знала о возможных побочных эффектах, но не отступила. Прокачала заранее с куратором свою роль неприступной докладчицы, надела невидимый скафандр, блокирующий все органы восприятия от возможных атак Филиппа, и уверенно предстала перед страждущим в синем платье-футляре, 8-ми сантиметровых шпильках и кольцом на безымянном.

Образ, настолько непохожий на прежнюю студенческую Чарли, моментально уничтожил все старательно продуманные тактики сближения. Просидев два восхитительно живых дня молча в дальнем углу аудитории, Филипп ретировался досрочно, не в силах переварить произошедшие в его девочке перемены, не в силах удержать себя в рамках своего же протокола.

В ту зиму ей исполнилось тридцать три. В ту зиму она впервые за пятнадцать лет увидела своего Филиппа, вспомнила его голос, услышанный в школьном коридоре перед их знакомством, поймала себя на бесконтрольном повторении кадров из их короткой, банально оборвавшейся истории. В ту зиму задраенные насухо люки начали подтекать, обрекая хрупкий кораблик семейной жизни с лучезарным Пашкой на неминуемую гибель.

Продолжая пристально отслеживать научную деятель-

ность Гордеевой Маргариты Дмитриевны, доцента подающей большие надежды в области расшифровки мозговой деятельности кафедры СПбГУ, доктор Осипов собирал архив всех релевантных публикаций. А в папке, обозначенной «!!!» в хронологическом порядке хранились работы несравненной Чарли.

Вторая встреча, вновь случайная для Риты и трепетно срежессированная для Филиппа, произошла год спустя.

– Посадка на рейс 2142 заканчивается через пять минут, просьба пассажиров срочно пройти к выходу 131. – гнусавый голос озвучил объявление дважды и, спустя пять минут, добавил:

– Осипов Филипп Николаевич, просим срочно пройти к выходу 131. Посадка на рейс 2142 закончена.

Тем временем Филипп, довольно поглядывая издали на растаявшую очередь у Выхода 131, спокойно допил обжигающий эспрессо и направился на посадку. Ничего не подозревающая Маргарита в ту самую минуту уже удачно разместилась на борту того же рейса, по соседству с пустым креслом, достала ноутбук, включила любимого Шопена и принялась корректировать статью своей коллеги. Они часто выручали друг друга, такая сложилась традиция на той самой замечательной кафедре. Но дружить Рита так и не научилась. Она с ее упертым взглядом на мир и занудством, не испытывала потребности в дружбе, тем более женской, с ее истериками и допинголизмом бытового характера. А после разрыва со-

юза с безупречным Пашкой, когда дочке Дарье исполнилось восемь лет, вслед за той самой конференцией, на которую явился Филипп, Маргарита осталась один на один со своим призванием. Кроме работы и подрастающей дочурки, женщине был нужен только один невыносимый, несбыточный, необъяснимый человек.

Текст статьи был сложным и содержал много неточностей, что увлекло проверяющую с головой в любимую работу, отключило ее от происходящего вне печатного материала до момента, пока ее легким касанием за плечо не попросили освободить проход к свободному креслу. Оторвавшись от экрана, взгляд ее наполнился ужасом. Музыка продолжала ритмично играть в динамиках, в то время, как Филипп, стоящий вплотную и касающийся ее руки, нечленораздельно шептал губами, улыбался глазами и весь светился, как детская карусель. Рита молча пропустила пассажира, зажмурилась, и Филипп увидел струйки, сорвавшиеся с уголков ее невероятно родных глаз.

– Не надо, Чарли, пожалуйста, – завладев ладонью любимой студентки и вынув из ее левого уха наушник, прошептал Филипп, наклонившись к ее виску, захватывая максимально жадно аромат распущенных волос, едва посыпанных перцем взросления.

– Не плачь. А то я сейчас тоже разревусь, и нас снимут с рейса за невменяемость.

Девушка горько улыбнулась, медленно моргая, высвобо-

дила руку, вытерла следы лучшей из возможных, по мнению Филиппа, реакций, и пропала в его взгляде на целых три часа. Таким Чарли не знала Филиппа прежде. Он был переполнен готовностью удивлять своими планами, веселить ее, окутывать юношеским трепетом, отсутствием границ и правил, которыми был напичкан их студенческий опыт.

По прибытию Фил настоял, чтобы Чарли остановилась в его номере, и вместо запланированных круглых столов научного сообщества два увлеченных теорией человека провели три дня, изучая нехитрую, но оттого не менее увлекательную практику квадратуры кровати. Цюрих напрасно манил своими идеальными городскими пейзажами и романтичным дождливым настроением. В тот ноябрь знакомство с городом так и не состоялось.

Но уже на обратном пути, в самолёте Рита опомнилась, осознав, что попала в ловушку, как самая наивная из наивнейших учениц. В очереди на паспортном контроле на ее «И что же дальше?» Филипп вдруг заявил, что он ее обожает, но она же никак не могла подумать, что он готов стать ничтожеством в глазах сына, что он придумает, как и где им встретиться в следующий раз, поцеловал ее в плечо и заказал для себя отдельное такси.

– Отдельное такси? Что? Что это было? Поверить не могу. Что за бред? – перебивало друг друга многоголосье вопросов без ответа, пока женщина разбирала чемодан и рассказывала Даше, что Цюрих прекрасен и что они обязательно туда

поедут с ней вместе на каникулах.

К вечеру до Риты окончательно дошло, что ее провели не самой узкой тропой хитрости, и она приняла твёрдое решение: больше никогда. Оппоненту такой расклад был вполне понятен и даже удобен. Он, как большинство высокоинтеллектуальных особей среднего возраста мужского пола, не нуждался ни в поддержке, ни в тёплом взгляде, ни в регулярном сексе. А в комбинации с его одержимостью Кодексом Осипова сессии с грифом «Цюрих» требовались доку раза два-три в год. И до следующего раза он точно найдёт способ заполучить свою Чарли, памятуя лучшую из реакций в виде искренних слез. Мастер манипуляций с лёгкостью нащупает ее ключевые точки, если потребуется, применит недавно приобретённый навык НЛП.

А пока доктора больше интересовали тонкости издания его второй книги и ее дальнейший перевод на языки братских и, если повезёт, западно-европейских народов. Частная практика шла по расписанию и приносила ощутимый доход. Чарли в зеркале успешно заменяла сокрушающуюся в отсутствии вестей от него Чарли реальную. Глеб с матерью продолжали наслаждаться благами эмиграции. В ту осень док утвердился в уверенности, что жизнь его удалась.

Когда же Филипп во второй раз решил провести сессию «Цюрих», рассчитывая заманить Чарли нехитрым предложением, и был уверен в лёгкой добыче, девушка, на удивление, оказалась непреклонной:

– Знание ответа на вопрос «зачем тебе это нужно?» держит меня в суровой трезвости, – писала в ответ Чарли, – я стараюсь гнать от себя подальше понимание, что у нас разные цели. Мужчина, который любит женщину и так, как ты это мне трепетно транслируешь, к ней относится, не допустит такого. Он не будет делать вид, что не понимает, о чем речь. Он не позволит ни единого дня своей женщине прогибаться под эту ситуацию и чувствовать себя мразью. А у тебя все как по маслу, как с гуся вода. Убережет любящий мужчина свою женщину от такого падения. А ты позволяешь. Да как же так можно-то? Как ты так живёшь? Как ты это выносишь? На что ты меня обрекаешь, подумай, на что? Я по-твоему должна мириться с тем, что тебе классно живётся с двумя женщинами, под предлогом «я суперответственный отец»? Почему ты считаешь, что я могу это выдерживать? Или может, ещё на что-то, о чем ты так ловко предпочитаешь не думать. Я вот на два фронта, как ты, не умею. А у тебя в порядке вещей – разделить меня с кем-то только потому, что так сложилось, ну вот, так вышло. Давайте поделимся все теперь? Когда человек хочет другого, и речь идёт не о первобытных желаниях, он совершает поступки! А не довольствуется банальным сексом.

* * *

Прошло совсем немного времени, меньше двух месяцев,

как сны Филиппа снова стала навещать тень Чарли. Теперь она не уходила, напротив, садилась рядом, улыбалась, то и дело прикрывала предплечья, будто озябла, одергивала рукава горчичного трикотажного платья. Видение пахло отблесками солнца в тёплой морской воде, говорила шёпотом, как бы боясь, что ее услышат, временами оборачивалась или пристально смотрела через плечо Филиппа.

Теперь у спящего была возможность вдоволь наговориться с любимой тенью, насмотреться на неё, надышаться ей. Просыпаясь, доктор не прекращал диалог, интересовался ее самочувствием, спрашивал, почему бы им не поужинать в следующую среду, обещал, что все ещё будет. Ещё через два месяца, в один из ночных визитов, спящий увидел надрезы вдоль сухожилий Чарли в сливовом платье, когда та уснула на его плече, и рукава сдвинулись к локтям. К утру сон улетучился, но привычная зеркальная беседа предьявила из памяти сцену с надрезами. Озадаченный Филипп вдруг замолчал и долго смотрел в своё испуганное выражение лица все с теми же расширенными зрачками.

– С чего вдруг? Чертовщина какая-то. Показалось. Во сне показалось? Ну, разумеется, сон вообще только кажется. А вдруг нет? Вдруг... я ведь даже не позвонил ей ни разу после ее «Почему ты считаешь, что я могу это выдержать?». Идиот!

Мужчина ринулся искать телефон, открыл мессенджер. Статус Чарли «была недавно» оказался малоутешительным,

ведь это «недавно» могло быть и неделю назад. После ускоренного причинно-следственного анализа, ещё через пару минут в адрес тени было направлено короткое: «Как ты?», и сердце сорвалось в погоне за обратной связью.

Сообщение застигло девушку за разбором полётов с куратором, спровоцировало зеркальный выброс адреналина, рикошетом смело вердикт «Больше никогда», а через пару секунд оно слабовольно отправилось не в удаленную, а в скрытую папку. Через семь минут пальцы скоро напечатали ответное «Без перемен» и нажали «Отправить».

– Ну, вот! – получив утешительное, усмехнулся Филипп. – Псих, дозу пора уменьшать. А то не такое начнёт мерещиться.

Сказал, проглотил одну капсулу, вместо двух, вернулся в постель и провалился в бессонную пропасть, в то время как причина его беспокойства не находила себе места и повода не спросить: «С чего вдруг такой внезапный интерес?». Не находила и взяла да отправила второе сообщение следом. Затем третье, четвёртое и... Необходимость прорвала оборону упреждающих нравоучений о самоконтроле и выводах о былых утратах. Волна ее, сметая все доводы на своём пути, через полчаса раскачалась до цунамических размеров и стремительно поглотила последние волевые попытки укрыться от неё. Филипп молчал. Что ещё он мог делать во сне? Но молчание не было нарушено ни после пробуждения, ни спустя сутки, тяжелейшие для Чарли первые сутки тишины, ни спу-

ся неделю и месяц.

Уменьшенная доза дала Филиппу передышку до первой зелени аллей. Редактура и верстка, общение с иностранными издательствами выматывали его и ускоряли размеренный рутинный темп. Во избежание перегрева пришлось снова про-вернуть аферу с подменой рецептов, выписанных своим же пациентам. Но едва он увеличил дозу, тень вернулась, только уже в белом облачении, на рукавах которого были свежие бордовые подтеки. Она осторожно легла рядом и обняла его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.